

В пути

II.

Зима 1938 года в Забайкалье была особенно глубокоснежная, бурная и суровая. Многократно разбитые в тяжелых встречных боях, деморализованные и плохо снабжаемые части Красной армии без сопротивления самотеком отступали в глубь России. Заменявший смещенного Ворошилова Главком Красной армии генерального штаба Свечин готовил новые опорные пункты по Уральским горам.

Объединенные японско-маньчжурские и монгольские силы, взбодренные победами, не давая ни отдыха, ни спора, шли по пятам русских, полками забирая пленных, целыми батареями захватывая пушки, отбывая неиспользованные интендантские склады.

Вторая советская армия тов. Блюхера, стараясь оторваться от преследователей, стремительно шла по направлению к озеру Байкалу. Задача японского командования заключалась в том, чтобы сбить и сжечь русских с обоих флангов и, приказав к Байкалу, заставить капитулировать, или — пустить их по Байкальскому льду, что было равносильно гибели армии.

Почти с первых дней начала военных действий между СССР и Японией, начались одиночные переходы казаков из Красной армии на сторону Японии, а потом переходы казаков стихийно участились. Немедленно за ними потянулись из Красной армии и представители других угнетенных народов. Из Красной армии, почти на одну треть состоящей из инородцев, началось повальное бегство. За инородцами стали охотно сдаваться в плен и мобилизованные русские крестьяне, желающие избавиться от разорившей их власти коммунистов.

Этот уход из Красной армии был настолько значительным, что к данному времени, на левом фланге Японского фронта, активно действовала целая армия Национальных Легионов, состоящая из башкирских, татарских, критских, горских, украинских, бурятских, казахских и калмыцких полков.

В первом корпусе армии Национальных Легионов гремел славой дикой конный полк полковника Цо-Кура, состоящий из трех отборных сотен донских казаков и трех сотен калмыков. Стремительные ночные набег полка в тыл врага, сокрушительные атаки с лесом грозных казахских пик, легкие пулеметы, которые особым образом будучи прикрепленными на выючных седлах заводных лошадей, не отставали ни в

каких переходах, его две маленькие горные пушечки, в два счета собираемые, разбираемые и увозимые на двадцати лошадях, беспрерывно шипали красных с фланга. Тепло одетые, всегда хорошо накормленные казаки и калмыки, сидящие на малорослых косматых неустойчивых монгольских конях, не знали усталости. Боевые заслуги казачьего калмыцкого полка не раз были отмечены в приказе по армии.

Полковник Цо-Кура, еще молодым офицером Донской армии, усвоивший уроки таких лихих казахских генералов, как — Мамонтов, Гусельщиков и Секретев, широко пользовался принципами Казачье-Большевиков войны и удачно проявлял инициативу. За его действиями командование с любопытством следило.

Казачье-Калмыцкий полк имел свои особые причины быть необыкновенно активным в боях с русскими большевиками: Казачий и Калмыцкий народы, одинаково закабаленные под властью Москвы, понесли несчетный урон от руки большевистской власти и ныне тяжко томилась в гибельных тисках коммунизма.

Полковник Цо-Кура, успевший прослужить 5 лет в Маньчжурской армии и год в Монгольской, был известен Японскому командованию. Он имел специальное разрешение — отправлять в тыл только пленных русских: а казаков и калмыков, если только они не были коммунистами, оставлять у себя и ставить в строй. Поэтому конный полк Цо-Кура всегда был полон сверх комплекта, а некоторых сотнях насчитывалось до двухсот шашек.

Почти не бывало случая, чтобы казак или калмык, поваливший с русскими солдатами в плен, отказывался оставаться в его полку. Каждый из них находил здесь либо станичника, знакомого, соседа, или лиц, имеющих с ним общих знакомых. Сознательное казачье ядро всегда умело сказать новопришедшему нечто такое, что сегодняшней пленный на другой день беспощадно бил вчерашних соратников по Красной Армии.

Повальное бегство из Красной армии вояков было заслугой коммунистической власти, за 19 лет своего владычества сумевшей вселить в сердца всех инородцев непреодолимое отвращение ко всему русскому.

Полк полковника Цо-Кура пользовался дневкой. Одна сотня казаков была в сторо-

жевом охранении по дороге, меж двух горных хребтов, ведущей в большое русское село.

Только вчера одна калмыцкая сотня, будучи в авангарде, с налета атаковала деревню, в беспорядке выгнав оттуда красноармейский эскадрон и захватила четыре пулемета. Полковник Цо-Кура перед строем полка поблагодарил сотню и поставил ее в пример.

Поэтому, командир казачьей сотни решил сегодня также проявить смелую инициативу и захватить вперед лежащее село, выбив оттуда силы красных. Двумя взводами с четырьмя пулеметами он пошел перед вечером наступление по дороге, а два взвода с четырьмя пулеметами заранее отправил в обход села по труднопроходной и неизвестной красным горной тропе.

Красноармейская лава, задерживавшая наступление казаков по дороге, пришла в полное расстройство, когда в сумерках загарухтели пулеметы и раздалось «ура» с фланга и с тылу. Не зная в темноте подлинных сил прорвавшихся казаков, красный полк покинул деревню и был обречен на годный и холодный ночной переход.

В одной из хат занятого села, казаки нашли крепко снящего раненого в ногу молодого калмыка, с обмороженными хрипящими ушами. Пленного, при донесении командира сотни, был отправлен в штаб полка.

— А-а-а!, молодец есаул Сотников — радостно воскликнул полковник Цо-Кура, прочитав донесение командира казачьей сотни о взятии села, обозов и одного пленного.

— А пленный здесь?.. Так приведите его сюда! — приказал он ординару. В раскрытую дверь, впереди ординара, прихрамывая на одну ногу, вошел дочерна загорелый от морозов молодой калмык, со следами волдырей на обмороженных хрипящих ушах.

— Ты калмык? — спросил пленного полковник. Получив утвердительный ответ, он приказал пленному сесть, а ординару — принести пленному чашку горячего чая с ромом.

*) Первая часть этого рассказа была напечатана в № 2 газеты «Единство и Независимость» под заглавием: «В очках». Париж, 1935 год. Ред.